

Саша Шу, Бейби Лав

ТАНЦУЙ, ДЕТКА!

18+

Саша Шу

Танцуй, детка!

«Автор»

2023

Шу С.

Танцуй, детка! / С. Шу — «Автор», 2023

Современная Золушка живёт в маленьком южном городке на берегу моря, учится в институте, а по ночам танцует в закрытом мужском клубе, чтобы заработать денег и спасти своего самого близкого человека. Фея-крёстная – циничный сутенер Арчи, а её Прекрасный принц – испорченный и порочный до мозга костей богатый наследник, чья семья отняла у неё всё. Есть ли вообще шансы у этой "сладкой" парочки?! Лёгкая и волшебная сказка про любовь на парочку холодных вечеров.

© Шу С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1	5
2	14
3	22
4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Бейби Лав, Саша Шу Танцуй, детка!

1

– Твой выход, Алекс! – выкрикнул, словно швырнул мне слова в лицо Артур, и я, только заслышав первую, ещё совсем медленную, ритмичную дробь барабанов, сыпавшую сухим горохом на деревянный пол нашей мини-сцены, шагнула в слепящий свет рампы за бархатный чёрный занавес, будто вышла из ночи в невыносимо яркий и жаркий день.

Отсчитывая жёсткий и частый ритм про себя, я застыла сначала на несколько секунд, раскинув руки, как крылья, и почувствовала, как тугой гул мужских голосов в зале стал стихать, замирая. А затем очень чётко и ещё пока совсем спокойно начала отмерять круги грудью: «Вперёд – вверх – точка, вправо – вверх – точка, назад – выгнула спину кошкой – точка, влево – вверх – точка», и так несколько барабанных проигрышей, чтобы гудящий и пьяный зал ночного клуба утих, принимаясь следить за ритмичными кругами, которые выписывает моя грудь, сверкающая разноцветными бусинами и золотыми монетами. Босые ноги стоят крепко на полу, и вся я – древняя восточная статуя, у которой как будто ожил только верх выше талии, в воздухе плавно и легко парят руки, как бы плетут невидимые сети, а лицо я закрыла чёрной полупрозрачной вуалью, отчего, не сомневаюсь, мои подведённые сурьмой глаза горят яркими изумрудами в плотных, густых сумерках затемнённого зала. Я чувствую, как скользкие, точно ночные насекомые, взгляды спускаются по моему лицу, шее, декольте и оседают на подрагивающей в ритме танца груди, укутанной медовым светом прожекторов.

Делаю небольшой шаг вперёд, и моя обнажённая нога, покрытая несколькими слоями тончайшей прозрачной ткани, выныривает из морской пены своих покровов, а на лодыжке начинают мелодично позванивать крошечные марокканские бубенчики на тяжёлом серебряном браслете. Повинуясь магическому ритму египетских барабанов, я снова замираю и выдыхаю животом, отчего все глаза в зале, не отрываясь, следят за движениями моего гладкого полукруглого животика и скатываются всё ниже – я это знаю наверняка – по тайной дорожке туда, где под мягкой округлостью плоти, на самых краях бедренных косточек, натянут прохладный шёлк шальвар.

Я на секунду замираю, чтобы сделать передышку перед нарастающим диким темпом ударных, и вдруг мои глаза в безликой замеревшей толпе упираются прямо в Него. Приглушённый свет над столиком падает на его словно выточенное из камня лицо: мужественный подбородок с небольшой щетиной, прямой нос с горбинкой и холодный и надменный, как бы уже успевший устать от всех зрелищ мира, взгляд. Он сидит, свободно развалившись в английском резном кресле, широко расставив длинные стройные ноги в голубых джинсах, на нём обычная светлая футболка с логотипом *Gucci*, и в руке он сжимает запотевший тумблер с виски. Кубики льда поблёскивают в прозрачном бокале, тают, перемешиваясь с драгоценным янтарным напитком, и я сама вдруг понимаю, что я, как маленькая льдинка на горячем солнце, уменьшаюсь и плавлюсь от его надменного и насмешливого взгляда...

Мои щёки под вуалью пылают, плечи загораются, точно на них накинута огненную шаль, а живот становится вдруг необыкновенно пустым, как лёгкий, надутый гелием шарик. Я делаю второй шаг, и все драгоценные камни и монеты начинают звенеть в одном ритме с барабанным, выступая с ним в дуэте. Теперь мои грудь, живот, бёдра двигаются поочерёдно, будто сами задают ритм танца, пока ещё не так быстро, но сейчас я – картина, а музыка в клубе –

только обрамляющий меня узор. Сотни часов тренировок перед зеркалом в зале, и всё моё тело – это пластичное полотно, на котором я выписываю убыстряющийся с каждой секундой ритм.

Мои бёдра повторяют первобытную тряску, отточенную теперь до совершенства, его глаза всё так же устремлены на меня, он не в силах оторваться от перекатов мускулов под моей гладкой кожей на груди и животе, а я танцую сейчас только для него. Переливаясь всеми красками мира, звеня сотнями золотых монеток и бубенчиков, прохожу вдоль края сцены, высоко глядя на толпу сгрудившихся здесь моих поклонников и постоянных клиентов. Я подхожу к одному из них – стильному бизнесмену в дорогом костюме, который старается не пропускать моих выступлений по четвергам, встаю на колени и выгибаюсь на спину, откинувшись на пятки, не переставая задавать ритм животом и грудью. Мои длинные волосы разметались по деревянному настилу шёлковыми змеями, а я вижу, как мужчина, не моргая, не в силах отвести взгляд, смотрит на мой плоский живот и на то, что сейчас скрывается под тонкими полупрозрачными подъюбниками. Перекатываюсь ближе к краю сцены, подставляя ему своё обнажённое бедро, стянутое резинкой шальвар, и чувствую, как жёсткая и хрустящая купюра, просунутая под нитку, приятно царапает кожу... Сидя на бёдрах, продолжаю танцевать свои барабаны, укутывая поклонника шалью волос и приближаясь к нему настолько близко, чтобы он смог почувствовать и увидеть малейшие капельки прозрачного пота, уже начинающие собираться у меня в ложбинке между грудей.

Делаю перекат и, повернувшись спиной, исполняю бешеную тряску ягодицами уже перед другим зрителем, на мгновение присаживаюсь на бёдра и кладу голову ему на плечо, одновременно чувствуя его большую и властную ладонь, оттягивающую бретельку лифа и засовывающую под неё стодолларовую купюру.

– Спасибо, сладкий, – шепчу я ему на ухо и резко вскакиваю на ноги, чтобы продолжить собирать дань со своей паствы на сегодня.

Ещё несколько минут, и я стою в центре сцены, словно разрываемая на части гулками ударами, мои волосы разметались в разные стороны, как языческое пламя, тело свободно и расслаблено, как древний ветер, я слышу финальный удар барабана и замертво падаю здесь же, на пол, точно растворившись с последним затихшим звуком в зале. Несколько секунд в клубе царит звенящая пустота, пока и она не разбивается на осколки громким улюлюканьем и топотом.

– Наша прекрасная Аиша, поприветствуем ещё раз, господа! – объявляет напоследок Артур, пока я убегаю со сцены, сжимая в ладонях горсти смятых купюр, а за мной по воздуху плывёт шлейф из развевающихся юбок...

Я сижу в своей импровизированной гримёрной – в задней комнате за баром, которую переоборудовали под костюмерную. Кирпичные стены, ряд трюмо с зеркалами, со слепящими глаза галогенными лампами и простые вешалки из *Ikea* на колёсиках, куда мы с девочками вешаем свои костюмы. Снимаю вуаль, промакиваю ватный шарик косметическим молочком и только собираюсь начать стирать с лица толстый слой макияжа, как в раздевалку заходит владелец нашего клуба «Нью-Йорк 56» и по совместительству мой импресарио Артур со словами:

– Алекс, у тебя твой постоянный заказчик, как обычно, уже созрел. Хочешь ещё сегодня двести зелёных?

– Опять Бошан? – вопросительно смотрю я на отражение Арчи в зеркале.

– А как же. Он самый, – утвердительно хмыкает Артур, проводя рукой по своей щеголеватой бороде. Несмотря на то, что со своими завитыми колечками усами он больше походит на владельца модного барбершопа, в душе он навсегда остаётся жадным и скользким дельцом-сутенёром, никогда не упускающим своей выгоды. Не упускающим ни одной лишней копейки. Любой ценой.

– Хорошо, я сейчас переоденусь, – немного подумав, соглашаюсь я. И хотя внутри меня всё сжимается от чувства липкого омерзения, мне очень нужны деньги. Мне слишком сильно нужны деньги. Ещё вчера.

– Ты помнишь, что ему нравится, – утвердительно хмыкает Арчи, и я согласно киваю в ответ.

– Только прошу тебя, пусть Саша будет рядом, ты понимаешь, – предупреждаю я своего хозяина. – Чтобы не было, как в прошлый раз.

– Ты меня знаешь, – показывает Артур вверх большой палец, хотя чувство тревоги и тоски не покидает меня.

Ну что же, я уже не маленькая. Детство закончилось. Пора зарабатывать бабки. Осталось ещё немного. Я мысленно собираю себя по кусочкам, снова входя в образ соблазнительницы Аиши.

– Хорошо, десять минут, и я готова, – говорю я, начиная рисовать на веках яркие «стрелы Востока», и Артур, кивнув, выходит из комнаты.

– И что он в тебе нашёл, не понимаю, – недовольно фыркает моя коллега Кисонька, которая сидит тут же, за соседним зеркалом.

– Возможно, молодость и талант, – бормочу ей в ответ, не отрываясь от своего макияжа: у меня слишком мало времени на разборки. Чем быстрее я начну, тем быстрее покончу с этим.

«Деньги, сегодня у меня будут деньги», – мысленно повторяю успокоительную мантру, чтобы хотя бы на время забыть об омерзительном Бошане.

– Ну да, ну да, ты же у нас самая талантливая и красивая, – тянет Кисонька, жеманно взбивая свои белокурые воздушные локоны. Её милый вздёрнутый носик недовольно морщится, а розовые влажные надутые губки растягиваются в презрительную мину. Дело в том, что совсем недавно, до начала моей карьеры роковой соблазнительницы Аиши в «Нью-Йорке 56», исполняющей восточные танцы, Лена с творческим псевдонимом Кисонька была главной звездой нашего небольшого варьете. Хрупкая, с тонкой талией, но пышной грудью и притягательной круглой попкой, она была крошечным порочным ангелочком этой сцены. В своём трогательном пронзительно-розовом пушистом боа, мини-трусиках и бюстье, усыпанных сверкающими звёздами кристаллов Swarovski, она выходила мягкой поступью ласковой кошечки на сцену под песню Lovefool – *The Cardigans*, и весь мир был у её ног. В те времена я наблюдала за её выступлениями из своего «рабочего» уголка, и меня поражала Ленина способность сводить с ума всю мужскую половину этого разбитного клуба. Посетители, как ополоумевшие мартовские коты, собирались у края сцены, лишь бы иметь возможность поближе рассмотреть свою Кисоньку. Ей даже ничего не надо было делать: она просто проходила по краю, немного пританцовывая, пару раз соблазнительно приседала у хромированного шеста в центре, виртуозно оттопыривая свою попку в стрингах, проводила розовым язычком по металлическому столбу, отчего зал приходил в полное бешенство, после чего ей оставалось только встать на четвереньки и, выгнув спинку, подползать к очередному поклоннику, уже торопливо сующему приготовленные купюры ей в трусики. Кисонька мурлыкала клиенту в ушко, проводя острым кончиком языка по мочке счастливого, и подползала к очередному мужчине, чтобы повторить номер уже с другим.

Её способность элегантно раздвигать ножки на сцене была выше всяческих похвал, и очастливленные клиенты считали наибольшей наградой и честью затолкать ей туда свои заработанные честным или не совсем честным трудом денежки. Поговаривали, что этим таланты Кисоньки не ограничивались и её выступления нередко заканчивались настоящими «горизонтальными танцами», но я никогда не знала этого наверняка.

И вот теперь мне предстояло соперничать с этой высококлассной опытной соблазнительницей, хотя, уверена, она была бы в шоке, если бы узнала всю правду обо мне. Я представила выражение её лица, когда ей кто-то сообщает, что её конкурентка на самом деле, и усмехнулась.

И начала пристёгивать к бёдрам маленькие элегантные кожаные ножны для своего коронного танца.

Вся усыпанная, как золотым дождём, переливающимися монетками, я выхожу из гримёрки в душный гудящий зал, где на сцене выступает моя подруга Света – Зажигалочка. Сквозь сладкий и дурманящий дым кальянов словно прорисовываются раскатистые звуки песни La Roux – *In for The Kill*, оглушая уже захмелевших к этому позднему часу посетителей. Рыжая и яркая, она мастерски умеет обращаться с факелами, и уже неясно, что больше привлекает в ней разгорячённых мужчин: её огненная густая грива, длиннющие бесконечные ноги, стройная и безупречная, как у Кэмерон Диас, фигура или прирождённый талант поджигательницы. Её бронзовое тело блестит, точно статуэтка, пока она в высоченных – до середины бедра – латексных ботфортах на двадцатисантиметровой платформе и ярко-алом полупрозрачном купальнике с блёстками ловко управляет с двумя пылающими факелами. Зажигалочка гордо вышагивает по краю нашей сцены, пока одурманенные её огненными чарами поклонники пытаются поймать её за лодыжки. Вот один из них, совершенно пьяный и ополоумевший от желания, хватает Светин лаковый ботфорт и начинает страстно облизывать его, а она стоит и смотрит на него с усмешкой сверху вниз. Как королева на своего верного шута. Зажигалочка просовывает кончик сапожка ему прямо в рот, и он в экстазе принимается обсасывать его, обхватив обеими руками глянцево-зеркальное голенище. Под смех и гогот окружающих Света отшвыривает поклонника, но, на пару секунд присев перед ним с широко раздвинутыми ногами, дарит ему надежду на будущее. Мужчина счастлив, он с ошарашенным видом засовывает смятые бумажки за край её ботфорта, а Света, размахивая горящими факелами, идёт дальше собирать дань со своих придворных.

Заметив меня рядом с охранником Сашей, она всё понимает и незаметно для всех делает наш тайный знак руками: прикладывает правую ладонь к сердцу, отчего мне становится не так страшно и тоскливо. Я в ответ поднимаю левую руку на уровень груди и сжимаю кулак, и она всё видит.

Как восточная наложница на древнем арабском рынке, я послушно ступаю за своим охранником в тёмное ненасытное чрево клуба, в ту часть, где за огромным общим залом скрывается целая сеть подземных коридоров с приватными комнатами. Все постоянные посетители знают о них, и обеспеченные клиенты нередко пользуются ими для того, чтобы уединиться с понравившейся девочкой. Или мальчиком. Или сразу несколькими тёлочками.

Мои бёдра, как гладкой чешуёй, покрыты золотом звенящих монет, грудь приподнята безумно тесным для неё топом, а плоский и гладкий живот украшают драгоценные узоры из хны и блёсток. В волосы вплетены разноцветные камни, а лицо всё ещё прикрывает полупрозрачная чёрная с золотистым вуаль. Я иду, склонив голову, словно на казнь, за своим охранником, пока мы не проходим мимо вип-столика, где с друзьями сидит Он. Он что-то увлечённо рассказывает своим приятелям, всё так же не выпуская из одной руки тумблер с самым дорогим виски в баре – *Macallan* за три тысячи евро, а второй сжимая толстую кубинскую сигару. Его гости громко смеются над его шутками и, не стесняясь, лапают хихикающих полуголых, разодетых зайками Playboy официанток клуба. Тут его голос резко умолкает, и я практически ощущаю, как несколько пар глаз будто облепляют меня, как чёрные жирные мухи. Поднимаю голову и буквально спотыкаюсь о взгляд его бесконечно ледяных глаз. На доли секунды смутившись, тут же беру себя в руки, несмотря на сковавший меня холод, и продолжаю свой путь.

– Эй, у вас всё нормально, приятель? – обращается Он к Саше.

– Да, всё отлично, ребята, – отвечает за нас мой надсмотрщик, и мы ныряем в тайное чрево клуба «Нью-Йорк 56»...

Ходят легенды, что раньше на месте нашего заведения был старинный храм с проделанными прямо в скальной породе коридорами и пещерами, где приносили в жертву древним кро-

вожадным богам юных прекрасных девственниц. Но это только сказки, а теперь здесь самые влиятельные и богатые люди города могут получить всё, что они пожелают. Впереди меня, словно гора, вздымается квадратная громадина Сашиной спины, пока мы не останавливаемся перед Бархатной комнатой. Мой телохранитель тихонько стучится, пока по ту сторону не раздаётся низкий скрипучий и такой ненавистный для меня голос:

– Входите! – и Саша аккуратно, словно клетку с диким зверем, открывает тяжёлую сейфовую дверь, впуская меня перед собой внутрь, как маленькую птичку на съедение тигру.

– Пятнадцать минут, Бошан Булатович, – тихо и послушно произносит охранник перед тем, как закрыть за собой замок. Невольно вздрагиваю, когда слышу, как сзади меня раздаётся щелчок, и понимаю, что меня не выпустят, пока я не отработаю своё время. У меня есть пятнадцать минут – практически вечность, чтобы удовлетворить отвратительное чудовище, запертое со мной в одной комнате, но при этом не погибнуть самой...

Я делаю глубокий вдох, отчего моя грудь поднимается ещё выше, и незаметно ставлю у двери принесённую с собой колонку. Из динамика раздаётся печальная восточная песня, я взмахиваю волосами и в первый раз буквально заставляю посмотреть себя на сидящего в комнате Бошана. Грузный и расплывшийся, он внушает мне безмерное отвращение, хотя все атрибуты богатого и влиятельного мужчины при нём. Дорогие часы, костюм от *Armani* и даже итальянские ботинки ручной работы. Его маленькие и жёсткие, как косточки маслины, глазки под густыми низкими бровями, словно мёдом, сочатся похотью, а некогда квадратный волевой подбородок сотрясается под несколькими слоями дряблого жира. Бошан развалился в широком кресле перед огромным, накрытым только для него столом с бутылками дорогого коньяка и фруктами. Я начинаю медленно двигаться под ритмы захватывающей меня песни: отпускаю на свободу руки, кисти, томно покачиваю переливающимися золотой чешуёй бёдрами, перекачиваю, поигрывая, плечами, не отрывая взгляда своих изумрудных глаз от клиента.

Губы Бошана лоснятся выпитым алкоголем, он, явно наслаждаясь персональным спектаклем, берёт с большого блюда персик, надрезает его тонким золотым ножиком и начинает обсасывать, громко втягивая в себя липкий сок. Капельки влаги стекают из уголка его рта по дрожащему подбородку и пачкают белоснежную итальянскую рубашку, растёгнутую до середины груди. В её разрезе виднеется чёрная кудрявая шерсть с проседью, и короткие толстые пальцы мужчины с золотыми печатками гладят её через тонкий батист.

У меня всё точно продумано: пока ещё есть силы, а мой клиент только в предвкушении, я позволяю себе плавный и печальный танец, чтобы растянуть время. Мышцы моего животика делают томные круги, бёдра и попка расслаблены, и я лёгкими, парящими движениями прохожу по периметру комнаты и танцую вокруг стола, лишь на доли секунды касаясь своим летящим прозрачным платком разомлевшего Бошана.

Первая мелодия моего выступления подходит к концу, я, выгибая спину, ложусь на стол, раскидав по нему гриву тёмно-каштановых волос, и мысленно отбиваю про себя отработанные четыре минуты. Осталось всего одиннадцать! Если Саша заберёт меня вовремя! Второй трек заметно ритмичнее, и я, к нескрываемому удовольствию и возбуждению Бошана, начинаю тряску бёдрами, наполняя эту тёмную, обитую чёрным бархатом комнату золотым звоном и бликами. На обозрение мужчины выставлена моя обнажённая плоть: высокая тугая грудь, тонкая талия с аккуратной впадинкой пупка и ровный, гладкий купол животика, под которым тончайшей полоской всего одного ряда монет скрывается то, на что сейчас устремлён его жадный, безумный взгляд. Я делаю один быстрый круг вокруг стола, второй, третий и ощущаю, как, несмотря на подвальную сырость, моё разгорячённое тело начинает покрываться блестящими бисеринками пота.

Бошан с громким хлопаньем высасывает сок из спелого персика, и я вижу, как его правая рука опускается ниже и он растёгивает ширинку.

– Танцуй быстрее, моя сладкая! – приказывает он мне и достаёт из штанов налитой тёмный фаллос, начиная поглаживать его волосатой ладонью.

И, несмотря на омерзение, охватывающее меня при виде этого зрелища, я повинуюсь ему и, словно замороженная змеей, продолжаю свой дикий первобытный танец бёдрами только для него, отсчитывая про себя, что мне осталось всего девять минут. Древний танец наложниц из восточных гаремов будит в Бошане азарт и желание, и чем быстрее я двигаюсь под барабанную дробь, тем быстрее скользят его пальцы вдоль упёршегося головкой в потолок ствола.

– Быстрее, ещё быстрее, – рычит он на всю комнату скрипучим басом, задыхаясь от напряжения и вперившись помутневшими глазами в низ моего живота. – Кто твой господин? Порадуй его, – приказывает он, и я понимаю, что сегодня у меня может не получиться сбежать из этого плена...

Я на отлично выучила все предыдущие уроки и прекрасно знаю, что возбуждает, но и завораживает одновременно хозяев жизни: недоступность и опасность. Я понимаю, что заставляет Бошана, одного из влиятельнейших бизнесменов, которые могут позволить себе купить любую девочку, любую любовницу или любую наложницу в городе, продолжать заказывать меня и платить деньги за мои приватные выступления. Он до сих пор не смог получить то, чего хочет. Он не попробовал меня на вкус. И эта пытка делает меня ещё желаннее для него, а предвкушение – изысканнее. А если бы он узнал мою тайну, то цена выросла бы в сотни раз... Ну что же, я не разочарую его и сегодня! С этой мыслью, полная решимости, под мелкую дробь третьей – последней – мелодии я ловко запрыгиваю на огромный круглый стол, мягкой, кошачьей поступью пробираясь между многочисленными бутылками, блюдами с фруктами, сырами и бокалами в самый центр. Кушать подано!

Я перебираю и посверкиваю золотыми бёдрами, пока Бошан замороженно смотрит на меня снизу вверх, теребя колышущийся от возбуждения ствол, затем ловкими, молниеносными движениями голых ступней расчищаю себе дорожку на столе: бокалы и вазочки со звоном разлетаются в стороны, а я, упав на колени перед мужчиной, делаю круг головой, отчего моя грива рассыпается, задевая шёлковым дождём Бошана. Он глухо стонет и протягивает руку, чтобы ухватить меня за ускользящий хвост, но его пальцы лишь гладят мою золотую чешую на бедре. И тут я незаметным движением выхватываю из ножен первый драгоценный кинжал и резко вонзаю его в деревянную столешницу между своими широко раздвинутыми коленями. Бошан отдёргивает руку, а я вскакиваю на ноги и на цыпочках начинаю обходить стол по кругу, отдавая ритму танца.

– Так, детка, продолжай, – уже умоляющим глухим шёпотом молит меня клиент, и я даю ему то, о чём он просит.

Снова подхожу к самому краю стола, где он сидит, развалившись в широком кресле, в мокрой от пота рубашке и с готовым на всё фаллосом, встаю высоко над ним, поставив одну ступню ему на плечо, пока он, замерев, наблюдает, как я в замедленном темпе достаю из вторых ножен свой кинжал и, проведя по его острию кончиком язычка, падаю перед ним на стол. Ещё доля секунды – и кинжал упирается в основание обвитого голубыми венами ствола Бошана. Я вижу страх в его глазах. Но также вижу мольбу. И неудержимое желание. Моё лицо под вуалью остаётся непроницаемым, хотя внутри я вся дрожу от отвращения. Ещё мгновение, и мне кажется, что его разбухающий на глазах член лопнет.

«Осталось три минуты», – отсчитываю я про себя и снова поднимаюсь на ноги, вонзая кинжал в столешницу рядом с первым. Опять отдаюсь волшебной восточной музыке, повернувшись спиной к мужчине и позвякивая бёдрами. Я замедляюсь на несколько ритмов, чтобы присесть в центре стола и сделать круги грудью и животиком, и вижу, как громко стонущий Бошан наконец взрывается мутными белёсыми хлопьями, заливая блюдо с персиками и сливами, стоящее перед собой. Стараюсь смотреть сквозь прикрытые веки на это отвратительное

зрелище, но в душе испытываю облегчение: зверь в клетке получил, что хотел, и скоро я смогу выпорхнуть отсюда целой и невредимой.

Но, видимо, не в этот раз. Поглаживая свой всё ещё возбуждённый член, Бошан громко приказывает мне:

– А теперь *он* хочет попробовать *тебя*. А не твои танцы. Он ещё не насытился. Иди к нему и станцуй на нём!

Осознавая весь ужас своего положения, я встаю на ноги и продолжаю делать то, за что мне платят, – танцевать. Бошан вскакивает с места и пытается схватить меня за тонкую лодыжку, но я вовремя уворачиваюсь и вонзаю в стол между нами очередной кинжал. Мужчина отдёргивает руку, но, похоже, его это только ещё больше возбуждает:

– Ты же понимаешь, что не уйдёшь от меня? – рычит он, пока я перебегаю на другую сторону стола, и уже сметает всё на своём пути, залезая на стол и раскидывая по нему остатки еды и тысячедолларового коньяка.

Я спрыгиваю на пол и начинаю колотить руками в дверь, но мягкий бархат заглушает все звуки... Мой танец окончен, музыка стихла, и Бошан наваливается на меня своим многотонным жирным телом, и я чувствую, как его липкий длинный язык проскальзывает в мою ушную раковину...

– Тебе понравится, сладенькая, – шепчет он, пока его потные толстые пальцы ползут вверх по внутренней стороне моих бёдер...

Но тут дверь распахивается, и я буквально падаю на руки вернувшемуся за мной Саше.

– Бошан Булатович, время вышло, – невозмутимо сообщает мой спаситель, пока постоянный клиент судорожно застёгивает ширинку.

– Я хочу повышенный тариф, – требует Бошан.

– Со всем уважением, Бошан Булатович, – вежливо, но твёрдо возражает ему охранник, – у Аиши только один тариф, вы знаете. Любую другую девочку на ваш вкус, только скажите, – предлагает Саша.

– Никаких других шлюх я не хочу! – в ярости кричит Бошан. – Мне. Нужна. Только. Эта! – задыхаясь, тычет он в меня коротким жирным указательным пальцем.

– Я передам ваши пожелания руководству, – как ни в чём не бывало отвечает Саша, пока я, собрав со стола все свои кинжалы и прихватив колонку, не проскальзываю в коридор вслед за телохранителем, оставляя за спиной изнывающего от похоти и неудовлетворённого желания Бошана...

Опустошённая и уставшая, я вновь бреду запутанными коридорами нашего подземелья за Сашей и представляю себя принцессой, которой удалось сегодня спастись от ненасытного кровожадного дракона. Только сегодня.

Мы вновь попадаем в залитый светом шумный зал, и мне сейчас кажется, что я здесь не была несколько дней, хотя прекрасно понимаю, что прошло всего двадцать пять минут, не больше. Ровно столько, чтобы неспешно выпить полстакана дорогущего благородного виски, отдав должное вкусу и аромату элитного напитка. И выкурить четверть кубинской сигары.

С моим огромным спутником мы вновь проходим мимо Его столика. Оказывается, Он ждал моего появления:

– У вас точно всё в порядке? – спрашивает Он и, вдруг нагнувшись к моей ноге, проводит ладонью по внутренней стороне бедра, чуть выше колена.

Я вздрагиваю, словно пронзённая и парализованная стрелами его глаз, и сначала не понимаю, зачем Он сделал это. Заворожённо смотрю на его кисть, которую он подносит к глазам, и с ужасом замечаю, что она вся алая от крови. Перевожу взгляд на свою ногу, и тончайшая предательская красная змейка ползёт вниз по лодыжке. Я понимаю, что, видимо, исполняя сегодня свой коронный танец семи кинжалов, нечаянно оцарапала ногу.

– Всё нормально, не беспокойтесь, – растерянно бормочу я и поскорее убегаю в гримёрку.

Я сижу перед своим зеркалом, и меня всю трясёт от пережитого за сегодня.

– Как ты, дорогая? – подходит ко мне сзади Света и ласково обнимает за плечи.

– Всё как обычно, не переживай, – через силу улыбаюсь я её отражению и, вспомнив о самом главном, отвечаю. – Ещё двести зелёных в мою копилку! И скоро мне не придётся танцевать для мерзкого дряхлого Джаббы!

– Что ты там ему делаешь за эти деньги, боюсь представить, – кривится в глумливой усмешке из своего угла Кисонька.

– Ничего из того, что обычно делаешь ему ты! – с издёвкой парирует моя Зажигалочка, и Кисонька наконец-то на сегодня отстаёт от меня.

Я снимаю с лица толстый слой тонального крема, румян и чёрной краски с бровей, и из зеркала на меня теперь смотрит не смугловатая восточная красотка Аиша, а моё обычное бледное лицо. Ещё пара движений, и пронзительно-изумрудные линзы возвращаются в свои футляры, и я превращаюсь в саму себя – Алекс с одним светло-серым глазом, а вторым – светло-топазовым. Слишком заметная деталь сценического образа: нечасто встретишь на улице девчонку с разными глазами, а если и увидишь, то запомнишь на всю жизнь! По крайней мере, надолго.

Захожу за общую ширму, из которой как раз выходит переодетая в свой наряд для выступлений наша непревзойдённая секс-бомба Сандра: чёрный латекс, пятый размер и утянутая до сорока сантиметров в тугий корсет талия.

– Ну как ты сегодня, крошка, – ласково треплет она меня за щёку и берёт со столика свой неизменный хлыст, которым укрощает со сцены каждый день воздыхателей.

Я переодеваюсь, и теперь в вышедшей из-за расписной китайской ширмы студентке в обычных синих джинсах и свободной футболке никто не узнает роковую наложницу гарема Аишу.

– Ты сегодня была великолепна, малышка! – со сладкой улыбкой в комнатушку врывается Арчи. – Клиент просил передать, что он в предвкушении, – произносит он, хрустя двумя зажатыми в руке купюрами. Он проводит ими у меня перед глазами, подносит к носу, и я, не вытерпев, вырываю их у него из рук.

– Послушай, Артур, – яростно шиплю я в ответ и увожу его в коридор, чтобы наш разговор никто не подслушал. – Я не знаю, что ты ему обещал, но он каждый раз хочет большего, ты понимаешь?!

– Так это же просто чудесно, Алекс, – сладко улыбается сквозь свои надушенные усики мой сутенёр. – Пока он хочет большего, ты зарабатываешь больше, дурочка моя! – шепчет он мне на ушко, и его мягкая борода щекочет шею. – Или ты опять хочешь вернуться на кухню? Забыла, что я для тебя сделал? – спрашивает он, и я слышу стальные нотки в его до этого мятно-пряничном голосе.

– Да, Артур, я тебе очень благодарна, – покорно соглашаюсь с ним. – Я буду делать всё, как ты скажешь.

– Вот и умница, девочка, – снова улыбается Арчи и легонько проводит ладонью по моей попке, но я делаю вид, что ничего не имею против.

Выхожу через чёрный ход клуба во двор и окунаюсь в тёмный шоколад южной ночи нашего города. Меня укутывает и словно обнимает за плечи тёплый сентябрьский вечер, а холодные звёзды на небе благосклонно дарят мне немного своих бриллиантов на сегодня. Я иду вдоль пустынного бульвара: за спиной обычный рюкзак, на ногах кроссовки, а в кармане крепко сжимаю заработанные сегодня деньги, которых мне должно хватить, чтобы расплатиться за

единственного во всём мире близкого мне человека. И не замечаю, как слёзы катятся из глаз, оставляя тёплые влажные дорожки на щеках...

2

Я захожу в свою крошечную квартирку, и маленький пушистый комочек бросается мне под ноги.

– Соскучилась, Китти? – глажу мою персиковую любимицу, которая трётся о джинсы и тычется чуть влажной пуговкой носика в пустые ладони. – Я тебе кое-что принесла, постойка, – начинаю я рыться в недрах своего бездонного городского рюкзака, пока не достаю оттуда пачку её любимого корма, который всегда покупаю с зарплаты.

Выдавливаю сочное содержимое пакетика в кошачью миску на микроскопической кухоньке и, пока Китти с громким урчанием набрасывается на обожаемое лакомство, наливаю воду в электрический чайник. Достаю из бумажной коробочки предпоследний пакетик с мелиссой и бросаю его в свою любимую чашку с рисунком Эйфелевой башни на боку. Наливаю кипяток и вдыхаю лимонно-мятный пар, поднимающийся дымным облачком над чашкой. Сажусь за кухонный столик и смотрю в ночное окно, где вдалеке шумит и дышит моё любимое море. Я делаю небольшой глоток и вспоминаю, как давным-давно, наверное, совсем в другой жизни и в другом теле, мы ездили все вместе в Париж и жили в самом центре вечного города, завтракали тёплыми нежнейшими французскими круассанами прямо на балконе пятизвёздочного отеля и любовались парящей где-то рядом громадой Эйфелевой башни. Мы были в Лувре, Диснейленде, Версале, и в предпоследний день я заставила вас – буквально силой потащила за собой – пойти на Эйфелеву башню. Вы все громко возмущались, упирались, но всё-таки отстояли полуторачасовую очередь, чтобы с высоты птичьего полёта рассмотреть крошечные бульвары и домики моего любимого Парижа. Твоего любимого Парижа. И теперь у меня осталось на память одно сделанное нами селфи, где мы вчетвером еле влезает в кадр: смеющиеся, с растрёпанными и развевающимися на ветру волосами, а за нашими спинами взмывает ввысь прекрасная ажурная стрела инженера Эйфеля... А потом внизу, у подножия башни, мы купили в лотке у торговца-синегальца две одинаковые кружки. У нас ведь всё всегда должно было быть одинаковым, правда?

Вечер и чай успокаивают меня, милая пушистая Китти трётся о мой бок, тихо мурлыча, и я почти готова забыть обо всех проблемах, как тут тренькает телефон, и я читаю сообщение от Ланского: «Мы ждём тебя в субботу». Вернувшись обратно в свою жизнь и малюсенькую комнатку, которую я едва могу себе позволить снимать, достаю из рюкзака всё заработанное на сегодня и начинаю пересчитывать. Ну что же. Я очень надеюсь, что этого хватит до следующего раза...

Смотрю на часы: уже три ночи, и мне остаётся спать всего четыре часа. Стоя под обжигающе горячим душем, я стараюсь смыть с себя все сегодняшние липкие, мерзкие взгляды, отвратительные прикосновения Бошана и приторное дыхание Артура. Моё тело становится розовым и невинным, и я снова представляю себя беззаботным подростком, укутанным в кокон любви и внимания. Растираюсь жёстким полотенцем и вижу, как порез на бедре снова начинает кровоточить, напоминая о событиях минувшего вечера. С досадой ищу в шкафчике пластырь и заклеиваю тонкую ранку несколькими кусочками липкой ленты. Надеюсь, до утра пройдёт, хотя шрам может и остаться.

Укрывшись пушистым пледом и обняв урчащую тёплую Китти, я наконец-то засыпаю.

Открываю глаза от яркого, слепящего света и первые минуты не могу сообразить, где я оказалась, пока не привыкаю к жару софитов и не понимаю, что стою посреди сцены в своём клубе «Нью-Йорк 56». Только сегодня я не слышу обычного пьяного гула голосов и музыки на заднем фоне. Ресторан пуст, и я вглядываюсь в холодную тишину зала, пытаюсь вспомнить, как

здесь очутилась. Мне становится очень холодно, я обнимаю себя за плечи, чтобы хоть как-то согреться, и тут с ужасом осознаю, что стою абсолютно голая посреди огромного клуба! Страх и ледяная тьма крепко держат меня, я вижу свой обнажённый живот, опускаю руки, чтобы ладонями прикрыть пушок в самом низу, а за разметающимися на груди волосами стараюсь спрятать испуганные и затвердевшие от холода соски. Пытаюсь сделать шаг, но ноги не слушаются, и я вижу, что мои лодыжки обвиты толстой верёвкой, конец которой тянется к краю сцены, и её крепко держит в одной руке Арчи, а во второй – микрофон. Сегодня хозяин одет в чёрный смокинг и цилиндр, а глаза его смотрят сквозь меня пустыми глазницами.

– Лот номер один, господа! – раздаётся гулкий и безжизненный голос Арчи, эхом бьющийся о пустые стены клуба. – Невинная и порочная Аиша! Вы только посмотрите на её атласно-медовую кожу, друзья! Шёлк и бархат! Стартовая цена – тысяча долларов, кто даст больше? – громко объявляет он ставку, и я хочу закричать, но слова ватным комом застревают в горле.

– Две тысячи, – раздаётся знакомый скрипучий голос, и свет софита резко выхватывает из мрака жирную волосатую руку с табличкой «2 000», и я уже вижу влажный рот Бошана, растекающийся по лицу в плотоядной улыбке.

– Две тысячи, господа, кто больше? – продолжает свой аукцион Артур. – Никто? Две тысячи – раз, – начинает он отсчёт, и я мысленно молю Бога, чтобы кто-то купил меня по более высокой цене: лишь бы не достаться этому трясущемуся от сладострастия чудовищу. – А эта прелестная попка, господа, вы её видели?! – продолжает Арчи и резко дёргает за бечёвку, из-за чего я вынужденно разворачиваюсь к залу спиной. – Соблазнительный персик: знатоки поймут! – причмокивает он, и я слышу новый голос из зала:

– Десять, десять тысяч! – и, обернувшись, упираюсь взглядом в элегантного мужчину, который держит в дрожащих руках табличку с надписью «10 000».

– Это просто отличная цена за такой лот, у вас отменный вкус, – громко восклицает на весь клуб Артур, – итак, десять тысяч – раз, господа! Никто не надумал дать больше? Вы можете потрогать товар руками: у нас всё по-честному, не стесняйтесь! Подходите! – звучно приглашает он и с такой силой дёргает за спутавшую мои ноги верёвку, что я, не удержавшись, падаю на пол прямо у края сцены, больно ударившись затылком.

С трудом поворачиваю лицо в сторону тёмного зала и вижу, как из жирной, точно кисель, темноты ко мне приближается незнакомая фигура.

– Я проверю товар, – слышу низкий уверенный голос, и две загорелые мускулистые руки будто выныривают из сумрака зала. Сильные и сухие ладони медленно проводят по моей шее, затылку, гладят по шёлковому ковру расстелившихся по полу волос, но я по-прежнему ничего не могу разглядеть во тьме.

Затем они спускаются ниже, исследуя каждую родинку и ямочку, и останавливаются на моей груди, сильно и одновременно осторожно сжимая торчащие соски, отчего вдруг горячее тепло парным молоком разливается у меня внизу живота.

– Так вы берёте товар? – визжит где-то вдалеке Артур, пока властный незнакомец так же бесстрастно и безмолвно продолжает своё путешествие по карте моего тела. Его руки крепко держат круглые чаши моих грудей, словно собираясь налить в них французское шампанское и пригубить его, но потом, как бы передумав, плавно скользят по гладкому животику, чтобы сделать небольшую остановку у крошечной ямки пупка.

Моё обнажённое тело уже давно пылает под его ладонями, и незнакомые до этого момента ощущения сладким мёдом растекаются по венам, превращая бёдра в горячий, бурлящий котёл и заставляя тело выгибаться навстречу этим властным рукам...

– Десять тысяч – два, – раздаётся где-то в зале напоминание Артура, а всё моё существо застыло в ожидании, когда же он всё-таки захочет. Захочет купить меня.

– Купи меня, – беззвучно шепчу я ему потрескавшимися от жара губами, пока его рука уверенно не спускается ниже, и я почти чувствую его пальцы там, у самого подножия моего маленького холмика, как вдруг он, резко схватив меня за подбородок и приподняв его, восклицает:

– Так это же ведьма! На ней дьявольская метка! Два разных глаза! Следующий лот! – кричит он, и я вижу, как на сцене в свете софитов стоит он, моя точная копия: мы ведь всё делим пополам, верно?

– Ведьма! Ведьма! Ведьма! – слышу безумный нарастающий гул из зала и с ужасом чувствую, как десятки чужих мужских рук тянутся ко мне со всех сторон, трогая нежное беззащитное тело. Мой взгляд только успевает выхватить из темноты кусочек лица. И я узнаю Его перед тем, как свора потных и липких рук набрасывается на меня...

Просыпаюсь в холодном поту, почти физически ощущая мерзкие щупальца чудовищного спрута на своём животе и между ног, но вот моя Китти – мягко урчит под боком. Вот моё одеяло – сбилось где-то внизу кровати, и от этого утренний лёгкий холод залез под пижаму. Вот море. Где-то рядом за окном слизывает следы ночных снов и кошмаров со сладкого прибрежного песка...

Сегодня я немного опоздала и захожу на лекцию уже после звонка. Пробиваюсь к заднему ряду большой, в виде амфитеатра, аудитории: я всегда стараюсь не привлекать лишнего внимания. В моей жизни его было слишком много, и теперь я мечтаю стать невидимкой, чтобы очередные беды не смогли разглядеть меня, прошли мимо, если вновь захотят наказать нашу семью. Поэтому мой обычный наряд – это синие джинсы, кроссовки и футболки без выреза, чтобы скрыть от любопытных глаз фигуру. Волосы собраны в пучок на затылке, рюкзак набит тетрадами с лекциями: обычная городская студентка, серая мышка среди ярких, модно одетых одноклассниц. Но сегодня мне не удаётся избежать недовольного шиканья одноклассников, пока я поднимаюсь на самый верх «галёрки», откуда мне машет рукой моя лучшая подруга Юля. И тут я спотыкаюсь о чью-то выставленную в проход ножку и, конечно же, под громкий смех аудитории со всей высоты валюсь на пол, роняя лекции, рюкзак и расплёскивая на чьи-то брюки свой утренний кофе. К счастью, уже успевший изрядно подостыть.

– Чёрт, прости, пожалуйста, я сейчас всё вытру, – вяло лепечу я, – у меня есть влажные салфетки, – стараюсь быстрее отыскать их в недрах своей сумки, всё ещё не поднимая от стыда и смущения глаз. Быстро достаю одну и начинаю неуклюже тереть испачканную моим капучино штанину.

– Да успокойся ты, эй, ты меня слышишь вообще? – наконец-то пробивается до меня сквозь общий гогот голос владельца яростно надраиваемой мной ноги. – Всё нормально, как тебя там? – и тут я узнаю его, медленно поднимаю лицо и упираюсь в Его холодный и насмешливый взгляд.

– Ух ты! – восклицает он от неожиданности, увидев мои глаза: один светло-серый, а второй – светло-топазовый. А меня начинает накрывать волна обжигающе-ледяной ненависти, которую я стараюсь скрыть под маской внешнего равнодушия. – Слушай, да ты, я смотрю, ведьма, – тихо бормочет он под прицелом моих разноцветных глаз, пока я молча собираю все свои пожитки в сумку.

– Не обращай внимания, Майк, – недовольно оглядывается на нас первая красотка курса Анжелика. – Это наша местная дурочка – Алекс. Не ведьма, а просто полоумная. Порчу навести не сможет, а вот пролить кофе на джинсы за три тысячи баксов – легко! – продолжает она свой рассказ обо мне.

– Я заплачу за химчистку, – растерянно лепечу я Майку, стараясь не смотреть ему в глаза, и тут его сильная рука, которую я мгновенно узнаю по сегодняшнему сну, ложится на мою ладонь:

– Я же сказал: всё нормально! Ты меня слышала? – с насмешкой повторяет он, специально растягивая слова, как будто объясняет для умственно отсталой, и я, пробормотав своё жалкое «ещё раз прости», наконец-то плюхаюсь рядом со сдерживающей смех Юлькой.

– Ну ты даёшь, подружка! – возбуждённо бормочет она мне на ухо. – Мало того что опоздала на лекцию к самой Горгоне, так ещё и успела «пометить» главного красавчика курса, – смеётся она.

Мы учимся на факультете архитектуры и дизайна уже месяц, но все как один боимся Татьяны Ивановны, или Медузы Горгоны, как прозвали её между собой студенты, – профессора и преподавателя истории мировой культуры. И хотя мы уверены, что сможем проектировать дома, мосты и дороги без какой-то там культуры, Горгона утверждает обратное, а по университету ходят легенды о сотнях отчисленных без права восстановления первокурсников, которые не смогли на экзамене вспомнить даты создания росписи Сикстинской Капеллы или постройки Пантеона в Риме.

– А что это за Майк? – с напускным равнодушием спрашиваю я Юльку, хотя заранее знаю, что она ответит.

– Майкл Романов – сын того самого Романова, помнишь? – и моё сердце болезненно сжимается в груди. Конечно, я всё помню, лучше, чем кто-либо в этом городе. – Ну так вот, он учился несколько лет в Англии, затем просто жил там, представляешь? – возбуждённо брызжет слюной мне в ухо подруга, – а потом, после того, что случилось с его отцом, решил вернуться домой. И поступил к нам на курс: хочет всё пройти с самого начала, там у него была совсем другая специальность, – продолжает тараторить Юля, пока я делаю вид, что внимательно слушаю Горгону. – Ему уже двадцать восемь, он старше нас с тобой на десять лет, – мечтательно закатывает глаза подружка, – и живёт в собственном доме, точнее – в замке, в Рузаевке, на побережье!

Я закрываю глаза на несколько секунд. Рузаевка. Дом с башенками, совсем как из Средневековья. Море, со спутанной белой гривой несущее свои волны к нашим ногам... Я помню всё. Слишком хорошо.

– Я смотрю, у вас там наверху весьма увлекательная беседа, – вдруг раздаётся в тишине аудитории голос Горгоны, и десятки пар глаз с шуршанием ночных мотыльков поворачиваются к нам с Юлей. Сегодня я точно поставила рекорд по привлечению к себе всеобщего внимания, чёрт! – Простите, как вас зовут? – обращается ко мне профессорша, и я, поднявшись со своего места, отвечаю:

– Алекс. Алекс Глинская, – и вижу, как Майкл Романов, устроившись вполборота на своём стуле, с усмешкой следит за разыгрываемым спектаклем.

– Прекрасное имя, госпожа Глинская, – удовлетворённо замечает Татьяна Ивановна, словно попробовав моё имя на вкус и убедившись в его свежести и качестве. – А теперь хотелось бы услышать ваше мнение, Алекс: всегда ли жилище выглядело так, как мы его видим и понимаем сейчас, в наши дни, как полагаете?

– Полагаю, что нет, – неуверенно бормочу я.

– Нет? Все согласны с госпожой Глинской? – вопрошает на весь зал Горгона.

– Я думаю, что Алекс не права, – вдруг подаёт голос Майкл.

– Ручаетесь? – азартно восклицает профессорша, обрадованная, что в классе намечается дискуссия.

– Абсолютно, – твёрдо отвечает Романов. – Посмотрите на древние пещеры первобытного человека. Структура жилища всегда была неизменна: вход, коридор, узкий или становящийся шире с веками, в зависимости от преследуемых целей, парадная зала или гостиная, лежище

или спальня. Все наши дома, квартиры повторяют этот план, разве не так? – кидает он нам в лицо не терпящие возражений аргументы.

– Что скажете, Алекс? – почёсывая острый, костлявый подбородок пальцами, усеянными какими-то громоздкими перстнями, обращается ко мне профессорша.

– Это не так, – отвечаю я и вижу, как Анжелика демонстративно закатывает глаза, протянув свою длинную ножку в лабутене в проход. Набираюсь смелости и громко, на всю аудиторию, заявляю: – Майкл Романов, видимо, считает, что первобытные люди жили только в пещерах. Но это не так. Учёные по всему миру находят древние города и поселения, абсолютно не совпадающие с общими представлениями о современном жилище, – мой голос звенит в огромном зале, и я не отвожу взгляда от глаз Майкла, уверенная в своей правоте. – Города в Шотландии и Турции, Ярлсхоф и Чатал-Хююк, не так давно обнаруженные учёными, не имеют улиц и так любимых Майклом входов, – с издёвкой кидаю я ему в ответ. – Сложно представить, но в этих домах нет привычных для нас дверей, и, возможно, люди считали нормальным попадать в жилище через крышу. Да и крыши были совсем другими.

– Bravo, госпожа Глинская, – начинает легонько хлопать в ладоши поражённая Горгона. – Весьма похвально, берите пример, господа, – обращается она к притихшей аудитории, – а вы, – её речь адресована уже Майклу, – никогда не останавливайтесь на достигнутом и никогда не считайте, что всё уже знаете. Мир полон открытий! Впрочем, вы все на верном пути, раз сегодня мы собрались в этой аудитории, – примирительно заканчивает она свою речь, а я, совершенно пунцовая, сажусь обратно за парту. Теперь я прослыла ещё и всезнайкой. Умница. Сто баллов.

После лекций к нам с Юлькой подходит наш однокурсник Паша и спрашивает:

– Слушайте, мы с группой сейчас все собираемся сходить на «Великую красоту» Соррентино в «Орион» – там закрытый показ. По истории мировой культуры задали, – предлагает он нам присоединиться к компании.

Обычно я никогда никуда не хожу со своей группой: я поступила в университет, чтобы учиться, и чем меньше буду подпускать к себе малознакомых людей, тем лучше для меня. Исключение составляет только Юля, с которой мы познакомились на вступительном собеседовании да так и остались вместе. Но сейчас подруга умоляюще глядит на меня собачьими глазами и тянет за рукав:

– Давай проветримся, Алекс, это же для учёбы, не будь занудой! – канючит она.

– Майкл всех приглашает, кстати, – уточняет Паша, и Юлька, не дожидаясь моего согласия, кричит:

– Мы идём!

Наша разношёрстная компания собирается в холле однозального кинотеатра «Орион»: его отреставрировали, закупили ультрамодное оборудование, новые кожаные кресла и открыли для частных просмотров под заказ. Самая продвинутая публика приморского городка собирается здесь на закрытые киносеансы, заказывая в увитый сталинской лепниной зал вина, закуски и кальяны.

Здесь со скучающим видом сидит на ручке раскидистого кресла платиновая блондинка Анжелика, медленно покачивая тонкой ножкой в прекоротких шортиках. У неё богатые родители, блестящие перспективы и обеспеченное будущее, и она поступила в институт больше ради корочки, чем для получения профессии. Оля и Вера уже имеют опыт работы в разных дизайн-бюро и теперь хотят открывать собственное, для чего решили получить фундаментальное образование в одном из главных университетов региона. Славик – довольно известный графический дизайнер, мечтающий стать архитектором, и в целом группа представляет собой солянку из разновозрастных разношёрстных творческих людей. Моя мечта – узнать тайны и

секреты создания дворцов и замков, чтобы увезти тебя отсюда и построить нам самую красивую крепость на берегу океана. О чём же мечтает Майкл Романов, остаётся для меня загадкой: у него и так есть всё. Всё, о чём и не смеет мечтать обычный человек. И это даже не принадлежало ему. И он пожалеет, что вернулся в наш город.

В кинотеатр наконец-то прибывает, припарковав свой «Порше Кайен» у самого входа, хозяин сегодняшней вечеринки. Я наблюдаю со стороны, как вся группа оживляется, пытаюсь ему понравиться: парни ищут его одобрения, а девушки буквально сочатся патокой скрытого желания. Мне становится смешно, что пара джинсов *D&G* и бронзовая тачка с номерами «999» способны сделать с довольно умными и самостоятельными людьми.

– В честь моего первого дня в классе угощаю всех! – объявляет свежеиспечённый король вечеринки, и мои одноклассники начинают громко обсуждать и вырывать друг у друга папки с меню.

– Ну, тогда в честь знакомства я буду *Moët*, – томно растягивает слова Анжелика, вставая с кресла, чтобы Майкл смог по достоинству оценить её стройные ноги на каблуках, умело сделанный бюст и накачанные уточкой блестящие губки. – Только придётся оставить машину здесь, – жеманно добавляет она, чтобы напомнить всем о своём новеньком розовом «Купере».

– Я решу эту проблему, – окидывая её оценивающим взглядом, произносит Майкл. – Сегодня все могут расслабиться. – А что будет наша персона дня? – обращается он вдруг ко мне, и я вздрагиваю от неожиданности.

– Я не пью, – сухо отвечаю я. – Просто воду с газом.

– Ну хорошо, – опять насмешливо смотрит на меня Майкл, – просто «Перье» для госпожи Глинской.

Спустя десять минут все дружной толпой вваливаются в небольшой уютный зал, где рассаживаются в глубокие роскошные кресла. Я, как обычно, плетусь в самом хвосте очереди, и, когда наконец-то протискиваюсь внутрь, оказывается, что все места уже заняты: в центре, естественно, сидит король вечеринки, рядом с ним пристроилась Анжела, а Юлька устроилась прямо на мягком, покрытом густым ворсом ковров полу где-то сбоку от прохода.

– Здесь есть место, могу подвинуться, – вдруг убирает свой лежащий рядом на диване рюкзак Романов, освобождая сиденье. – Или госпожа Глинская и на диванах не сидит? – с издёвкой спрашивает он меня, и я, перешагивая через бесконечные ноги Анжелики, вытянутые в проходе, сажусь по другую сторону от Майкла.

Свет приглушают, и на экране начинают мелькать необыкновенно прекрасные картины Рима, а наша развесёлая компания под громкий хохот и перезвон бокалов и тарелок обсуждает сцены нашумевшего авторского кинофильма. За год работы в ночном клубе я прекрасно научилась наблюдать за поведением людей. Тем более когда основная задача твоих коллег-девочек – это как можно быстрее напоить клиента и выдоить из него как можно больше денег. Я вижу, что по мере опустошения бутылок с пивом, вином и шампанским разговоры становятся громче и развязнее, шутки – фривольнее, а смех – гортаннее и призывнее. Майкл заказал свой любимый виски, которого, конечно же, у них не оказалось в баре, и его охранник принёс припасённую на такой случай бутылку. Все два часа он цедит один и тот же бокал со льдом, попыхивая ароматной кубинской сигарой, в то время как сидящая от него справа Анжелика начинает уже вторую бутылку.

Я потягиваю «Перье» и с наслаждением смотрю на экран, переносясь в те времена, когда мы гуляли по Риму с тобой и нашей гувернанткой, пока родители ездили по винодельням, заключая договоры и подписывая контракты. Сквозь ресницы боковым зрением подсматриваю за соседом и с неприятным для себя чувством замечаю, что на самом деле мне нравится сидеть рядом с ним, мне нравятся его длинные стройные ноги, которые он свободно вытянул в проход, его мускулистые руки и римский классический профиль. Мне нравятся ароматы амбры,

древесины и дорогого табака, которые доносятся до меня лёгким бризом, когда он наклоняется к столу, чтобы стряхнуть пепел с сигары. И мне совершенно не нравится, как Анжелика покачивает левой ногой и незаметно трётся ей о его правую штанину...

Так, всё – я встряхиваю головой, чтобы избавиться от вечернего морока. Меня ничто не может привлекать в этом испорченном, высокомерном подонке! А это я знаю точно, потому что он прекрасно понимает, что совершил его отец, не может не понимать!

Мелькают последние кадры прекрасного фильма, все столики и полы рядом с ними уставлены тарелками и пустыми бутылками, которые официанты не успевают убирать, и тут на экране резко включаются сцены из «Пятидесяти оттенков серого», и камерный зал взрывается громким хохотом.

– Это тоже нам Горгона задала на семинар? – пьяным голосом спрашивает Савелий, прямо из бутылки допивая шампанское.

– Это на десерт, для тех, кто смог осилить главное блюдо, – с усмешкой отвечает Майкл. – Все хотят сладкое? – задаёт он больше риторический вопрос.

– Я не против, – мурлыкает сбоку захмелевшая Анжела, – к тому же я слышала, что это уже стало мировой классикой, правда? – берёт она руку Майкла и нежно проводит по ней своим наманикюренным пальчиком. Она страстно надувает свои влажные губки, отчего напоминает мне золотую рыбку в круглом аквариуме, но, похоже, под действием виски и сигар Майкл не против её нарочитого внимания.

– Конечно, крошка, – отвечает он и властно притягивает девушку к себе на колени.

Тут, словно по безмолвному приказу, свет в нашем зале ещё больше приглушается, как будто давая команду «можно всё», и под постельную сцену Анастейжи и мистера Грея на экране комната начинает дрожать, стонать и вибрировать целующимися и обжимающимися парочками. Звук из мощных динамиков становится всё громче, и я, вжавшись в кресло и абсолютно не понимая, что мне делать, наблюдаю, как рука Майкла, уверенно пробравшись под кофточку Анжелики, ласкает её большую упруго-резиновую грудь, а её алые коготки теребят замок его джинсов, которые я сегодня так неудачно испачкала своим кофе. Демонстративно встать и уйти? И прослыть ещё скромницей и занудой? Остаётся только беззвучно сидеть рядом, притворяясь, что мне абсолютно наплевать на то, чем они все тут занимаются. Тем более мне ведь совершенно наплевать? У себя в клубе я и не такое вижу.

Красавчик-миллионер Грей на экране стягивает с Анастейжи тонкие трусики, а Анжелика тем временем наконец-то справилась с тугим замком и запустила пальчики в ширинку Майкла. Его рука ласкает её между ног, отчего наша первая красotka начинает тихо постанывать, выгибая спину и скользя вверх-вниз своей круглой, как орешек, попкой по его бёдрам. Я сконцентрировала всё внимание на кино, но не могу не увидеть, как, раздвинув ноги, Майкл властным движением ставит Анжелику перед собой на колени и, положив ладонь ей на затылок, подталкивает её пунцовый раскрасневшийся ротик к рвущемуся из штанов члену. Как несуразная отличница, я сижу с неестественно прямой спиной, старательно делая вид, что увлечена исключительно кинофильмом, в то время как где-то внизу и сбоку туда-сюда мелькает голова моей одноклассницы, направляемая жёсткими движениями её партнёра. На пару секунд он поворачивается ко мне, мы встречаемся глазами, и я вижу его совершенно трезвый холодный взгляд, внимательно изучающий меня, пока его рука крепко прижимает влажный сочный рот Анжелики к своему фаллосу, не давая ей выпустить его из себя ни на секунду. Потом он равнодушно отворачивается, уткнувшись в экран, точно его интересует происходящее в кинофильме.

– Спасибо, крошка, – насмешливо говорит он, когда она наконец-то отрывает мокрое, в подтёках туши лицо от его ширинки, и застёгивает штаны. Берёт снова в руку тумблер с виски, делает глоток и запускает свободную ладонь в шортики усевшейся рядом Анжелики,

начиная медленно-медленно водить в них своими тонкими пальцами, просунув их под тонкую ткань. Девушка ещё больше раздвигает ноги, приглашая его в себя, а он не торопится, словно растягивая пытку. Или удовольствие?

Любовники на экране красиво и плавно занимаются сексом в первый раз, а я сижу, боясь пошевелиться в душном сумраке зала, наполненного дымом кальяна, шорохами с придыханиями и стонами. Будто Майкл добавил всем сегодня в напитки какое-то любовное зелье. Его рука тем временем скользит всё быстрее, занырявая в трусики Анжелики и поднимаясь обратно, темп ускоряется, и я невольно поворачиваю голову, и снова на меня глядят два холодных насмешливых глаза, как если бы всё это затевалось только ради меня. Девушка крепко сжимает колени, замирает на несколько долгих секунд и откидывается, наконец-то проваливаясь в глубокое кресло, и оно проглатывает её, выплюнув наружу только две подрагивающие тонкие ножки.

– Тебе было хорошо, детка? – всё так же не отводя от меня взгляда, спрашивает Майкл, и я, наконец-то очнувшись и понимая, что просто неприлично подсматриваю за другими, отворачиваюсь к экрану, где главные герои как ни в чём не бывало уже мило завтракают в своём пентхаусе на вершине мира.

Пряная приморская ночь царит в городе, когда наша пьяная компания вываливается из прокуренного кинотеатра.

– У тебя всё нормально? – слышу я голос Майкла за спиной как раз тогда, когда собираюсь нырнуть во влажную темноту знакомых переулков.

– Да, спасибо за кино и за вечер, – киваю ему в ответ и вижу, как нетрезвая Анжелика заваливается на заднее сиденье его «Порше»...

3

Такси везёт меня вдоль бесконечных, стрекочущих цикадами зарослей олеандра, обрамляющих южные дороги. Сентябрь здесь ещё совсем летний месяц, хотя и он уже готов затворить двери, чтобы впустить следом за собой прятный, с налётом лёгкой грусти, октябрь.

Я еду вдоль длинного, как хребет волшебного дракона, залива. Море переливается за песчаными дюнами блестящей чешуёй, и алый огненный шар солнца зажат в гигантской пасти мифической твари. Помнишь, как мы с тобой в детстве представляли, что наш замок охраняет огромный дракон из старинной легенды, и бросали в солёные волны натёртые до блеска монетки, чтобы задобрить его? А сейчас я въезжаю на машине в медленно раздвигающиеся чугунные ворота у бетонного высокого забора и выхожу у современной прозрачной, из стекла и металла, клиники, надёжно спрятанной от чужих и любопытных глаз рядами ограждений и охраняемых пунктов.

Доктор Дмитрий Ланской уже ждёт меня у входа на ресепшн: серьёзный, стройный, высокий, в белоснежном халате, накинутом на дорогой костюм. Он сдержанно улыбается, хотя я знаю, что в душе он готов расцеловать меня в обе щеки. Но профессиональная этика никогда не позволила бы ему сделать это. Он должен быть строгим и обнадёживающим, но без фамильярности, я это понимаю.

Иду за ним по длинному, просвечиваемому насквозь прибрежным блеском коридору, вдоль одной стороны которого тянутся панорамные окна с видом на дюны, а вдоль второй – ряды плотно закрытых дверей с табличками-цифрами на них. Мой номер – пятнадцатый. Я нажимаю на пластиковую плотную ручку и с лёгким щелчком открываю палату, где сразу же наталкиваюсь на своё отражение. Оно лежит на больничной койке и смотрит прямо на входную дверь, и у него по-прежнему моё лицо. Мой нос, мои скулы, мои губы и мои глаза. Один светло-серый, а второй – светло-топазовый.

Я знаю, что ты ждал меня, потому что твой взгляд устремлён на эту дверь, за которую ты не можешь выйти сам. Твоё тело приковано к кровати, с которой ты не можешь подняться, а рот – плотно запёртый засов, который ты не можешь сам разомкнуть.

– Привет, Даня! – радостно и беззаботно-наигранно кричу с порога, хотя в душе у меня всё сжимается и вянет, когда я вижу тебя в таком состоянии. – Как ты сегодня? Лучше? – щебечу ничего не значащие фразы, потому что все мы втроём прекрасно понимаем – ты, я и профессор Ланской, – что тебе ни черта не лучше! Я это знаю наверняка по безразличному выражению лица, застывшему гипсовой маской на брате-близнеце. Он сейчас как моя потускневшая и не проявленная до конца фотокарточка: побелевшая пергаментная кожа, заострившиеся черты, словно застрявшие в уголках тени и полустёртый взгляд таких ярких и сияющих раньше глаз.

Несколько месяцев назад ему поставили страшный и трудновыговариваемый диагноз, но даже от этого я тогда облегчённо вздохнула: если врага знать по имени и в лицо, то уже проще что-то придумать, чтобы его победить. Мой брат-близнец, моя вторая половинка, оказался в плену своего неподвижного тела: «Акинетический мутизм. Будем решать проблему», – коротко и ёмко сообщил мне Дмитрий Ланской, после того как я, продав оставшуюся от бабушки квартиру – пожалуй, последнее, что у нас с Даней оставалось ценного, – обошла десятки разных врачей и специалистов, потратив на них практически всё наше крошечное наследство.

На тот момент я ощущала себя такой же беспомощной, как и мой брат-близнец, потому что с детства у нас с ним были одни на двоих чувства, эмоции и жизнь. Одна душа на двоих. И

когда после той ужасной ночи Даня вдруг не смог подняться, заговорить, пошевелиться, мне показалось, что вместе с ним из меня медленно, как ледяной лесной ручей, стала вытекать капля по капле и моя собственная жизнь...

Но наш спаситель, профессор Ланской, смог устроить брата в свою частную клинику, и я знаю, что, пока он здесь, с ним ничего не случится и по крайней мере он будет жить. Я зарабатываю сейчас кучу денег своими танцами и сделаю всё возможное, чтобы заработать ещё больше.

– У меня для вас обоих действительно есть новости сегодня, – потирая тонкую переносицу, произносит Ланской, когда я усаживаюсь в ногах у Дани и беру его лёгкую кисть в свою тёплую руку, пытаюсь передать ему хоть малюсенькую часть тепла. – Я думаю, что смог установить причину заболевания, и хотел бы попробовать для начала курс гемостатической терапии, и будем надеяться, что он сможет вывести пациента из этого состояния, – пытается объяснить он нам план лечения, хотя мы совершенно не понимаем, о чём идёт речь.

– Это просто замечательно, доктор! – в возбуждении вскакиваю я со своего места, уже готовая обнять Ланского, но вовремя вспоминаю, что такое здесь неуместно. – Даня, ты слышишь, – радостно оборачиваюсь к брату, – мы тебя вылечим! А хватит ли нам на это денег на нашем счету? – вдруг вспоминаю о самом главном.

– Ну, в общем, – неуверенно отвечает профессор, – большая часть курса покрывается имеющимися средствами, но надо уточнить у меня в системе, какая дополнительная сумма нам может потребоваться.

– Деньги не проблема! – как можно увереннее произношу я, чтобы Даня не почувствовал в моём голосе и тени сомнения, а сама начинаю судорожно придумывать, сколько ещё смогу дополнительно заработать в клубе.

– Хорошо, тогда мы можем пройти ко мне в кабинет и проверить план лечения ещё раз, – приглашает меня профессор, а я подхожу к брату, наклоняюсь к его уху и шепчу, чтобы он точно меня услышал:

– Даня, не сомневайся, твоя сестрёнка достанет все деньги мира, даже если мне придётся продать свою душу! Мы тебя вылечим! – и, скользнув щекой по прохладной замше его кожи, тихонько затворяю за собой дверь в палату номер пятнадцать.

Обивка мягкого кожаного кресла обжигает меня, словно я сижу на раскалённой плите, пока профессор что-то внимательно изучает у себя на экране компьютера.

– Ну что же, Алекс, – со сдержанной улыбкой тонких губ сообщает он, наконец-то оторвавшись от монитора. – Имеющихся средств хватит практически на весь курс, за исключением небольшой суммы...

– Какой? – напряжённо выкрикиваю я, но потом беру себя в руки и тоже стараюсь выдавить уверенную улыбку.

– Три тысячи долларов, – встаёт доктор и подходит к моему креслу.

– Прекрасно, – спокойно отвечаю я, одновременно лихорадочно прикидывая в уме, сколько дополнительных смен мне придётся брать в клубе и сколько частных танцев исполнять, чтобы собрать эту неподъёмную для меня сумму...

Задумавшись, вздрагиваю от неожиданности, когда вдруг чувствую, как мягкие и тёплые руки Дмитрия Ланского ложатся на мои плечи, начиная их легонько массировать, словно пытаюсь снять напряжение.

– Спасибо, доктор, – с благодарностью смотрю я в его добрые и спокойные глаза, поднимаясь со своего места. За окнами перекачивает гладкие, лощёные бока любимое море, дюны бесконечной волшебной дорогой убегая за горизонт, и я, преисполненная решимости во что бы то ни стало спасти брата, жму гладкую и сильную руку нашего спасителя.

В задумчивости бреду от железных глухих ворот клиники в сторону дороги. «Мне определённо надо подумать об этом завтра», – вспоминаю я Скарлетт О'Хара и улыбаюсь сама себе в ответ на грустные размышления о деньгах. Когда случилась эта ужасная катастрофа, у нас и так с Даней уже ничего не оставалось, кроме наследства, оставленного недавно умершей бабушкой Софьей Глинской: небольшой двухкомнатной квартиры на Египетской улице, турецкой ангоры солнечной абрикосовой расцветки, Китти, и старинного массивного кольца с гигантским топазом.

Квартира всё ещё хранила воспоминания о бабуле: антикварная мебель, обширная дореволюционная библиотека, голландские натюрморты на стенах и потемневшие от времени портреты рода Глинских в гостиной. Мы по-братски разделили с Даниилом наш новый дом: он спал на обшитой золотом и алым шёлком резной оттоманке прямо под раскидистой пальмой в бывшем кабинете дедушки, а я расположилась на кованой древней кровати под сенью гигантского дубового «шкапа», как его всегда называла бабушка Софья. Дом навечно сохранил в себе ароматы нашего безоблачного детства: свежесваренного кофе в турке, лимонно-мятных леденцов, сухой лаванды и земляничного закарамелизованного в сиропе варенья. Мы с Даней вдвоём, как сказочные Гензель и Гретель, словно очутились в пряничном домике – манящем, загадочном, нарядном, но таящем в каждом уголке какие-то неясные воспоминания и смутные предостережения.

Софья Глинская была нашим опекуном после гибели родителей и, несмотря на преклонный возраст и проблемы со здоровьем, будто ждала того дня, когда со спокойной душой сможет уйти от нас. И вот, спустя буквально несколько дней после нашего совершеннолетия, она просто тихо и мирно умерла во сне. Не проснулась в одно сумрачное осеннее утро, и мы остались с Даней вдвоём. Мой брат готовился к поступлению на архитектурный факультет: ты всегда мечтал строить замки, дворцы, целые города. А я до изнеможения тренировалась, чтобы попасть в знаменитый балетный класс имени Ольги Хохловой. И так мы с тобой бродили по зачарованному бабушкиному дому: ты с бесконечными незаконченными чертежами и проектами, а я – вечно в трико и гетрах, чтобы даже дома репетировать танец для вступительного экзамена.

Немного морщусь, пытаюсь вспомнить, когда же я в последний раз надевала пуанты, и, так и не сумев отыскать этот эпизод в памяти, бреду дальше вдоль золотистой, рассыпающейся сухим песком дюны, забыв о том, что собиралась вызывать такси и ехать домой. Вот так со мной всегда! Вместо того чтобы начать активно искать решение проблемы, иду и погружаюсь в своё прошлое, словно оно в силах мне помочь!

Злясь на саму себя за то, что снова позволила немного тоскливой жалости к своей судьбе, незаметно подхожу к кромке воды, где ласковые прозрачные волны мягкими кошачьими лапками дотрагиваются до гальки и моих мокрых кроссовок. Я так давно не была на море, вспоминаю вдруг. И хотя в этом городе всё дышит солёным ветром, криками чаек и шуршанием прибоя, я так замotalась, что вижу своего лучшего друга не чаще, чем толпы отпускников, прибывающих к нам за кусочком летнего отдыха.

Оглядываюсь по сторонам: это абсолютно дикая часть косы, отделённая от оживлённой трассы высокими барханами дюн, и сюда ещё не успели добраться любители чистых и диких пляжей. Немного помедлив, я быстрым движением стягиваю с себя простенькую серую футболку, потёртые джинсы, трусики и бюстгальтер и, бросив всё это дешёвое богатство на берегу, с разбега вхожу в тёплое и ласковое море, которое раскрывает для меня широкие объятия. Как любовники, которые давно не виделись, мы любим друг друга со страстью и нежностью, накопленными за долгие недели разлуки. Первые пару минут я чувствую, как саднит порез на внутренней стороне бедра, но потом боль стихает, словно море нежно целует и залечивает рану. Я наслаждаюсь, когда прохладные мягкие струи обволакивают моё гладкое тело, забираясь в самые сокровенные места, и оставляют на них тайные поцелуи.

Море, как нежный возлюбленный, держит меня на своих руках, качает на волнах, шепчет на ушко секретки и целует в щёки, веки и губы тёплыми лучами солнца, медленно растворяющегося в водах... Я чувствую, что и сама практически растворяюсь и таю, как леденец, в этом ласковом сентябрьском мареве, а вдалеке с трассы иногда доносится шмелиным жужжанием гул исчезающих вдали фур и автомобилей. Понимаю, что мне пора выходить, когда вдруг вижу, что вода стала темнее и глубже, а на пляж, от которого я уже очень далеко отплыла, садятся влажные осенние сумерки.

Медленно выхожу на берег: всё тело переливается миллионом мельчайших капелек, а волосы окончательно закудрявились и раскидались по груди и плечам. Я бреду по мокрому песку, стараясь найти кучку своей одежды, так равнодушно оставленную на берегу, и только начинаю натягивать, подпрыгивая на одной ноге, трусики, как слышу тихое треньканье – рингтон какого-то телефона. Вздвогнув, наконец-то задираю голову к верху дюны, откуда он доносится, и вижу там его – Майкла, который стоит и как ни в чём не бывало разглядывает меня!

Вспыхнув, как спичка, я интуитивно начинаю закрывать руками низ живота и остро торчащие от прохладной воды соски, и слышу его насмешливый голос:

– Не надо, не закрывайся, тебе так идёт! – и нажимает кнопку на своём телефоне.

И тут я понимаю, что это действительно глупо: прикрывать жалкими ладошками то, что у него и так была прекрасная возможность рассмотреть в деталях, пока я медленно выходила из воды, брела по берегу, разыскивая одежду, и нагибалась, собирая её вместе. Вспоминаю свои выступления в клубе: распрямляю плечи, чтобы Майк смог в полной мере насладиться открывающимся перед ним видом, и, не отводя взгляда от его холодных глаз, неспешно, как в замедленной киносъёмке, начинаю натягивать сначала трусики, потом бюстгальтер, проводя руками по гладким округлостям плеч, а затем, картинно изогнувшись и выставив на его обозрение идеальную крепкую попку, продеваю стройную длинную ногу в одну штанину, виртуозно балансируя на песке, и во вторую. Всё это время Романов стоит неподвижно, словно превратился в соляной столб на дюне, и в ярких проблесках уходящего солнца я ловлю всполохи его глаз. Не застёгивая джинсы на пуговицы, перекидываю через плечо футболку и прямо босиком прохожу мимо застывшего в сумерках Майка, и меня обдаёт его запахом: древесины, амбры и высушенного кубинским жарким солнцем табачного листа.

Я всё ещё бреду по побережью к трассе, когда мимо меня с бешеной скоростью проносится его «Порше Кайен».

4

Воскресный вечер самый ленивый и томный на неделе: только неудачники и одиночки приходят в клуб «Нью-Йорк 56» сегодня, поэтому обычно в этот день Арчи даёт многим девочкам выходной.

– Послушай, Артур, мне очень нужны деньги, – сижу я перед ним в накуренном тёмном кабинете, расположенном сразу за входной стойкой. – Я готова танцевать за нескольких человек, пять выходов за вечер! – стараюсь убедить его дать мне дополнительную работу.

– Хм, и даже приватные? – в упор смотрит на меня мой менеджер.

– Да, и приватные тоже! – решительно отвечаю я. – Но только по стандартному тарифу, ты меня понял!

– Да уж, конечно, понял, сладенькая, – плотоядно улыбается Арчи, показывая ряд белоснежных зубов. – Ты так трепыхаешься, как маленькая птичка у меня в руках! Вы все так трепыхаетесь, и все сначала требуете стандартный тариф. Каждый раз одно и то же, – теперь он уже смеётся в полный голос, запрокинув далеко назад голову, отчего его модная хипстерская борода уткнулась остриём в потолок, как клинок кинжала. – Ты пойми, Алекс, это не имеет абсолютно никакого значения, – начинает он объяснять назидательным тоном. – Ты всё равно рано или поздно станешь работать по повышенной ставке. Это неизбежно, – почти по-отечески растолковывает мне. – Если хочешь роста, карьеры, то сама к этому скоро придёшь, послушай старичка Арчи, – подходит он совсем близко и кладёт ладонь мне на голову.

– Это мы ещё посмотрим! – отвечаю, глядя прямо на него. Вот уж точно не та карьера и не тот рост, о которых я всегда мечтала! Но, похоже, Арчи настолько тупой, что подобная мысль не может уложиться в его холёной голове: что кто-то не видит танцы на столах в его затрапезном провинциальном клубе как вершину своей карьеры и жизни. Так, мне надо успокоиться, – мысленно одёргиваю себя, потому что на сегодняшний день эта работа – единственное, что позволяет получить столько денег для Дани. В миллионный раз дав себе самой обещание, что ноги моей здесь не будет, как только брата вылечат, я смягчаю взгляд и, подлив сиропа в голосок, мурлычу боссу с игривой улыбкой:

– Договорились, Артур, как только буду готова к новому этапу в своей карьере, сразу же тебе доложу, – и с этими словами поднимаюсь и направляюсь в гримёрку: уже шесть часов вечера, и скоро начнут подходить наши обычные ранние клиенты, чтобы девочки, а теперь и я, скрасили им очередной унылый воскресный вечер.

Стараюсь как можно незаметнее пробраться в раздевалку: никто не должен видеть в клубе Алекс – только соблазнительную Аишу. Как я и думала, сегодня вышли только я, вечно жадная до денег Кисонька и «дежурная» в это воскресенье Сандра. Нас всего трое, но и посетителей должно быть не так много, чтобы Артур терял кучу денег за простой у девочек. Ну ничего, у меня полный рюкзак новых костюмов, так что выкрутимся!

– Ах, посмотрите, какая прелесть! Сама принцесса Будур к нам сегодня пожаловала! – опять заводит бесконечную шарманку Кисонька, на что я абсолютно не обращаю внимания и бросаю спортивную сумку на свой гримёрный столик у зеркала. Сразу же надеваю линзы и начинаю накладывать толстенный слой тоналки на лицо, превращаясь постепенно в смуглую восточную красотку. Брови, накладные ресницы, ярко-алая помада и тонкая кружевная вуаль на выступающих скулах – и страстная роковая Аиша готова к своему выходу! Я размышляю некоторое время над воскресным репертуаром, а потом иду на пульт к нашему диджею Арно, чтобы сообщить ему о сегодняшнем плейлисте.

– Отличный выбор, девочка! – хвалит меня мой жеманный приятель, подмигивая подведённым глазом, а я про себя со смехом размышляю, на ком же из нас двоих сейчас больше косметики.

Быстро окидывая взглядом полупустой зал, надеюсь сегодня отделаться малой кровью. Как всегда утянутая в кожу Сандра собирается на свой первый выход, а я, выбирая топ и шортики, вспоминаю, как вообще увлеклась танцами...

Конечно же, это был «Щелкунчик», а что же ещё! Мы всей семьёй сидели в первых рядах партера в Большом театре, нам с Даней только исполнилось по семь лет, и родители решили сделать нам рождественский подарок. Оба в нарядных английских костюмчиках, мы привлекали любопытные и восхищённые взгляды притязательной московской публики, пока папа с мамой пили по традиционному фужеру шампанского в буфете, а мы с братом – по своему законному стакану «Дюшеса». Я с придыханием поднималась по главной лестнице и рассматривала недавно отреставрированные старинные интерьеры, но всё это сразу же отошло на второй план, как только тяжёлый занавес разошёлся пополам, открыв мне новый сверкающий мир. Который стал и моим миром на всю оставшуюся жизнь. И любовью. И пока близнец откровенно зевал, а наша прекрасная молодая мама одёргивала его с полустрогой улыбкой, я безотрывно смотрела на представление, унёсшее меня в волшебную страну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.